

В.В. Чепарухин

ПОБОРНИК СВОБОДЫ И КУЛЬТУРЫ, НЕУТОМИМЫЙ ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ. П.Б. СТРУВЕ

Творчество Петра Бернгардовича Струве, совершенно очевидно, выросло из потребностей и переживаний его внутренней жизни. Его интеллектуальные интересы отражали определенные черты характера и определенные переживания. Чтобы понять Струве (впрочем, как и любого человека), нужно знать его жизнь. В сущности, для Струве философские построения не интеллектуальная игра, а существенная сторона поиска человеком смысла жизни, и следовать философскому призванию - значит искать «истину» и служить ей ради нее самой (недаром С.А. Венгеров назвал Струве «искателем истины» - автограф на книге, которую он подарил Струве). Струве - человек гармоничного единства характера и духовного поиска в жизни, чего не понимали его современники, так как его внутренняя жизнь была закрыта для посторонних (это понимание обычно приходит после ухода человека из жизни, с исторической дистанции, если приходит вообще). Струве, как никто в России, понимал основополагающее значение культуры общества, власти закона, индивидуальной свободы. Социальные теории Струве - соображения человека, представляющего цену, которую придется платить за разрушение государства. Струве был глубоко убежден, что политические реформы неэффективны, если им не соответствуют культурные преобразования в обществе. Это актуально и сегодня во всем мире.

Внимание многочисленных отечественных исследователей было всегда сосредоточено на критике политических, экономических, философских взглядов Струве, как на некоей абстракции. А что же сам Струве как человек? Что двигало им? Как складывались его взгляды под влиянием жизненного опыта и социальной среды?

Неизбежным в конце XX столетия стало сопоставление Струве-Ульянов (как их воззрений, так и личностей). Их оценка через 100 лет как выпускников одного университета также очень поучительна! Два молодых человека равных способностей, но из разной среды проходят формальный этап становления - университет. Они сближены механически обстоятельствами, ходом жизни, сближение длилось около 5 лет. Они преодолевают университетский рубеж почти одновременно и живут далее по своим законам, движутся по совершенно различным траекториям в мире.

Оба сделали разные карьеры. Один - ученого, профессора, академика РАН. Другой - удачливого политика радикального толка. Они оставили свой след в истории России и мира в разных сферах деятельности. Их нравственно-философские убеждения пересеклись в самом начале жизненного пути, в университетские годы. Расстались они непримиримыми политическими оппонентами, а их давний и ранний спор сегодня разрешила история в пользу Струве. Надолго ли - покажет все то же неумолимое и быстротекущее время! В истории нет ничего вечного.

В России, по крайней мере, Струве было суждено пребывать долгие годы забытым, в густой тени своего знаменитого впоследствии политического оппонента. Сопоставление Струве-Ульянов - это одно, Струве-Ленин - совсем другое, здесь уже нет ничего общего, никаких точек соприкосновения.

В сущности, П.Б. Струве как русский мыслитель возвращен в конце XX в. из небытия для всего мира и показан «во весь рост» главным образом благодаря известному американскому исследователю Р. Пайпсу. Он затратил на эту работу свыше 10 лет жизни. Итогом стал обстоятельный труд, изданный на русском языке только в 2001 г. Им воссоздана почти полная картина напряженности мысли, обстоятельств жизни и психологический портрет собственно личности Петра Бернгардовича Струве. Воссоздана общественная атмосфера времени, предложено интеллектуальное погружение в нее, что формирует у читателя уважение и подлинный интерес к П.Б. Струве, очень важные прежде всего именно для России.

Для нашей страны фигура П.Б. Струве актуальна именно сегодня. Уникальная особенность его мировоззрения - органичный сплав национализма и западничества! Как политик, «неудавшийся» по меркам прошлого, он оказался провидцем в историческом масштабе, стратегически! А Ленин сегодня выглядит политиком исторически ограниченного тактического масштаба, сыгравший крупную роль в определенный период, но в целом проигравший в конце XX в.! Общим у этих двух несомненно крупных личностей было осознание исторической необходимости «капиталистического» этапа развития России, но в темпах и сроках они решительно разошлись.

П.Б. Струве сформировался как один из наиболее независимых и негибких умов России ушедшего века. Им самим очень мало написано о юности, мало

и в воспоминаниях других. Это большое осложнение в работе исследователя - недостаток информации о годах формирования исследуемой личности. Это важно и потому, что Петр Бернгардович был не по летам развитым молодым человеком, сделал себе имя в петербургских интеллигентских кругах уже к моменту поступления в университет. В этом физически слабом человеке с юности ощущался «неукротимый морально-интеллектуальный огонь» чрезвычайной силы, заставлявший совершенно забыть первое впечатление от его внешности! «Это тип интеллектуала, который сегодня почти вымер», а в XXI в. его возможно «также трудно представить, как в XX в. средневекового аскета, ренессансного гуманиста или прусского юнкера!».

Важнейшей особенностью Петра Бернгардовича всегда был внутренний диалог с самим собой - особенность всякого мыслящего человека. Думать для него - рассуждать с позиции знания! Поэтому учеба для него была так важна, а его собственные воспоминания делятся на периоды, когда он узнавал что-то новое! Еще в юности ему была знакома атмосфера дискуссий, речей на похоронах выдающихся соотечественников и пр. Освоение Дарвина, Спенсера было этапами его умственного взросления, его личных переживаний. Среди русских мыслителей на него более всего повлиял И. Аксаков. «Мировоззрение Аксакова - ключ к самым глубоким тайнам политического мышления Струве». С юности он пристрастился к библиофильству. Собственная его библиотека, хранящаяся ныне в С.-Петербургском государственном Политехническом университете, заслуживает особого разговора. К сожалению, Р. Пайпс не был знаком с этой громадной (свыше 10 000 томов) первой личной библиотекой Струве, так как в момент его работы в СССР над биографией Струве она не была даже каталогизирована, доступа к ней практически не было даже для сотрудников библиотеки Л ПИ! Обладая феноменальной памятью, он и сам как бы «носил в течение жизни в своей голове целую библиотеку, которая пополнялась новыми томами». П.Б. Струве относился к невежеству и воинствующему антиинтеллектуализму русской радикальной интеллигенции 1880-х годов с глубоким презрением как к признаку культурного упадка. Его размежевание с русской радикальной интеллигенцией всех толков - следствие фундаментальных свойств его характера с ранней юности. Атмосфера же его детства и юности - лояльность русской государственности в сложившейся естественно-исторической форме - монархии, отвращение к нигилизму и террору, восхищение реформами 1861 г., (не иначе как «Великими»), беспредельная вера в будущее России как великой нации. Это - идеология верхних эшелонов просвещенной имперской бюрократии (пример отца - губернатора Б.В. Струве, позже С.Ю. Витте и др.).

Стоит заметить, что вообще «клан» Струве в русской науке по своему вкладу в нее и значению примерно то же, что и «клан» Бенуа в русском искусстве. Поколения рода Струве оказали серьезное влияние на нашу историю, органически войдя в состав интеллектуальной и управленческой элиты России. В ярком созвездии Струве, российских ученых и общественных деятелей XIX-XX вв., Петр Бернгардович Струве - звезда первой величины. «Он был, бесспорно, самой выдающейся личностью русской общественной и научной мысли последних

лет XIX в. и первых десятилетий XX-го в.» (С.Л. Франк). Одна из линий весьма разветвленного немецкого рода Струве обосновалась в России в начале XIX в. Знаменитые первые два директора Пулковской обсерватории, астрономы В.Я. Струве и О.В. Струве, соответственно дед и дядя П.Б. Струве.

Благодаря происхождению, сам П.Б. Струве был органично включен как в русскую, так и в немецкую культуру. Из первых 35 лет своей жизни он провел непосредственно в Германии не менее 10 лет, включая периоды учебы в школе (Штуттгарт, от 7 до 12 лет) и в университете в Граце, когда закладывались и формировались основы его личности, а также годы первой эмиграции (1901 -1905 гг).

С ранней юности у него естественно сформировалось убеждение в необходимости превращения пассивных подданных Российской империи в активных граждан. Одно время это виделось ему на путях становления социал-демократии как действующей политической силы в России (по примеру Германии). Струве часто и широко пользовался термином «культура» (скорее немецким - вместо аксаковского «общества»). Недаром издававшийся им в 1906 г. журнал многозначительно назывался «Свобода и культура». В 1917 г. им была даже создана в России «Лига русской культуры» (цель этой организации, по замыслу Струве - внедрение в сознание русской интеллигенции чувства общности национальной судьбы). Свобода и культура были одними из основных терминов в его словаре, для него они означали условия «сознательного формирования среды для неограниченных возможностей индивидуальной и общественной самоидентификации». 8 ранней юности Струве ожидал от монархии продолжения линии Великих реформ, подъема уровня культуры и помощи в формировании нации, порицая революционеров за помехи такому ходу событий. В глубине души он был «слишком немец» и испытывал инстинктивное уважение к государству как к созидательной силе.

С целью преодоления высшей планки образования - университета - Струве 9 августа 1889 г. подал заявление на физико-математический факультет столичного Санкт-Петербургского университета «по естественному разряду». Как это ни покажется странным с позиции знания его последующей деятельности и трудов, на первом курсе он записался на цикл зоологии. Вероятно, такой выбор стал следствием его увлечения социальным дарвинизмом и попыткой разобраться в первоосновах учения Дарвина.

Год поступления в университет был очень сложным периодом в личной жизни Струве. Благополучное детство и ранняя юность в семье родителей (а родился он в Перми, в семье местного губернатора, 26 января 1870 г.), остались позади, надо было принимать решение о дальнейшем образовании. Струве окончил в 1889 г. Третью гимназию - известное в то время элитарное учебное заведение, отметившее в 1873 г. свой 50-летний юбилей (на Гагаринской улице, где тогда жили Струве, точнее, рядом с ней, в Соляном переулке, д. 7). В это же время у него умер отец (существовали даже глухие намеки на самоубийство), мать переехала в Одессу с одним из сыновей. И так сложные отношения с ней у П.Б. Струве окончательно расстроились. Его братья устроили свою жизнь по мере способностей и возможностей. И в этой ситуации ему пришлось как реальный выход принять

постороннюю помощь - предложение своего гимназического товарища Калмыкова поселиться в квартире его матери. Так П.Б. Струве вошел в "дом А.М. Калмыковой, известной издательницы и общественной деятельницы, создав для себя непростую в личном плане ситуацию на несколько лет вперед.

В университете на первых порах Струве был вполне удовлетворен. Д.И. Менделеев произвел на него сильнейшее впечатление. Позже Струве писал, что именно слушая Менделеева, он остро осознал «трагедию русской культуры». Профессор зоологии Шимкевич также представлялся ему необходимой ступенью на пути познания. Вместе со своим сокурсником и другом В.А. Гердом Струве составил конспекты лекций Шимкевича, которые тот позже использовал в качестве основы своего учебника. Более того, Струве и Герд взяли за составление основательной программы по изучению немецкой научной литературы. Пыл Струве по отношению к зоологии быстро ослабел, а Герд успешно продолжал занятия в этой области. Подводило Струве и слабое зрение при работах с микроскопом.

В конце первого курса Струве решил оставить зоологию и перейти на юридический факультет, заняться серьезнее социальными науками. Заграничное путешествие во время летних каникул 1890 г. только укрепило его в этом решении. Он побывал в Германии и Швейцарии, это была его первая встреча с Западом после 1882 г. Он смог увидеть «капитализм», о котором знал как о чем-то хорошо знакомом, подобно большинству российских интеллигентов только из книг. Позднее он вспоминал: «... я был ошеломлен прежде всего интенсивностью материальной культуры Запада. Впечатления эти были ... для меня не вполне вновь... До известной степени мне был не чужд и внутренний склад или, выражаясь заезженным словом, "психология" немецкой жизни. Но, несмотря на это, и тогда богатство и интенсивность материальной культуры и удивительная, доходящая до подчинения, приспособленность к ней западного человека произвели на меня громадное и неизгладимое впечатление».

В Швейцарии он приобрел огромное количество социал-демократической литературы и переправил ее в Россию с помощью одного из братьев. Вернувшись в Санкт-Петербург для продолжения учебы в университете, Струве решил серьезно заняться социальными науками. Он приобрел известность - и как признанный авторитет в социал-демократическом движении, и как обладатель прекрасной библиотеки социал-демократической литературы. Считалось, что у него было лучшее и, возможно, единственное собрание немецкой социалистической литературы в Санкт-Петербурге (еще одна из особенностей его личной библиотеки, упомянутой выше). Уже в осеннем полугодии 1890 г. Струве записался на лекции по истории римского права (Ефимов), истории русского права (Сергеевич), политической экономии (Исаев), энциклопедии права (Бершадский). 31 сентября 1890 г. им написано в адрес ректора университета заявление: «Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство о перечислении меня с естественного разряда Физико-математического Факультета на юридический факультет. Петр Струве».

В то время в России усилился интерес к социал-демократическим идеям, вызванный впечатляющей победой социал-демократов Германии над Бисмарком. В разных городах возникали социал-демократические кружки, инициаторами

которых были обычно иностранные студенты (болгарские - Д. Благоев, польские - Ю. Мархлевский и др.). Но они не оказали заметного влияния на широкую общественность, действовали тайно, а их участники имели нечеткое представление о политических и социальных теориях Маркса. Подобный интеллигентский кружок в Санкт-Петербургском университете в первом учебном 1889-1890 г. организовал и Струве, с научной целью восстановления идей «подлинного» Маркса, искаженного, по его мнению, российскими последователями. Этот небольшой кружок сделал для теоретического появления социал-демократических идей в России больше, чем его предшественники, вместе взятые. Именно с этого кружка началось серьезное распространение социал-демократии в России, что следовало бы вспомнить адептам социал-демократии в современной России. Кружок Струве насчитывал около двенадцати человек, все они были старше самого Струве. Но его исключительно раннее интеллектуальное развитие было невероятным даже для России того времени. Все члены группы были убежденными в своей правоте амбициозными молодыми людьми, но они не были ортодоксами. Они верили, что «обнаружили правду» марксизма, что владеют ключом к пониманию анатомии и физиологии общества. Они не относили все написанное Марксом к «вечным истинам» вне дискуссий, как это было в среде провинциальной интеллигенции, приобщившейся к социал-демократии несколько позднее. Все они были последовательными «западниками», раздраженными пассивностью правящей элиты в деле проведения явно назревших общественных реформ.

Ближайшим другом Струве стал А.Н. Потресов. Другой член кружка, Д.В. Странден, также часть детства проведший за границей, был соучеником П. Б. Струве и ю Третьей гимназии и окончил ее на два года раньше. Третий участник кружка, близкий Струве - В.С. Голубев - активно занимался пропагандой в рабочей среде, после последовавшего в 1891 г. ареста исключен из университета навсегда. Кроме естественников, В.А. Герда и А.М. Водена, в кружок входили универсанты Н.В. Водовозов, Н.Д. Соколов, К.К. Бауэр, Р.Е. Классон, Б.В. Никольский, Н.П. Павлов-Сильванский и В.А. Оболенский. В числе тех, кто симпатизировал П.Б. Струве, был М.И. Туган-Барановский. Лично Струве пропагандой не занимался, а был занят исключительно разработкой теоретических вопросов.

Весной 1890 г. Струве сделал доклад об основных вехах биографии К. Маркса - для ориентации интересующихся марксизмом слушателей. Это был первый опыт такого рода в столичном университете. Текст доклада распространился среди студентов. Сам Струве невысоко оценивал этот доклад, в то время как оставивший воспоминания очевидец (член кружка Воден) отзывался о нем как о весьма заметном событии. На другом собрании кружка П.Б. Струве сделал доклад о событиях 1848 г. в Германии, о роли в них Маркса и Энгельса. Струве пошел гораздо дальше всех русских радикалов (включая Плеханова), осознанно поставив «капитализм» в центр российской интеллектуальной и культурной жизни, что повлекло и вовлечение этого понятия в экономическую и политическую жизнь России в дискуссионном порядке! Благодаря эрудиции и блистательным выступлениям на публике к концу второго курса университета (весна 1891 г.) Струве приобрел известную репутацию - стал признанным лидером небольшой группы интеллектуалов, испо-

ведущих социал-демократических воззрения в С.-Петербургском университете, и главным трибуном новой ветви радикализма в России. Для него очень важным было отделение и различие субъективного и объективного, это был исследователь по своей сути, ученый всегда и во всем. Для лишенных этих качеств большинства людей, он был непредсказуем и интеллектуально капризен. Он не обладал ни одним из качеств публичного политического лидера-трибуна, был совершенно неспособен к жесткой постоянной организационной дисциплине, что существенно при работе в нелегальных условиях. В общем, и двуличие любого рода было ему чуждо. Он всегда говорил то, что думал, иногда облекая это в неприемлемо резкую форму. Пытался каждый аргумент рассмотреть всесторонне, другие же видели в этом необъяснимые противоречия. Но все отмечают, что слушатели попадали под его обаяние и очарование. И пока социал-демократия оставалась чисто интеллектуальным движением, т. е. примерно до 1900 г., «Струве был политической фигурой первой величины - наследником Герцена, Писарева, Чернышевского и тогда еще живого Михайловского. Становящейся социал-демократии был необходим лидер, и эта роль выпала Струве». Только близкий ему человек, А.М. Калмыкова была, видимо, единственной, кто чувствовал, что за всей этой публичной эйфорией кроется неадекватное восприятие его публикой.

Весной 1891 г., к концу второго года пребывания Струве в университете, его кружок постепенно начал распадаться. Некоторые участники кружка были исключены из университета. В конце же 1891 г. сам Струве тяжело заболел воспалением легких и находился в Александровской городской больнице с 20 ноября 1891 г. по 7 января 1892 г. А.М. Калмыкова помогала выхаживать его, и когда здоровье восстановилось, он решил оставшуюся часть академического года провести в Австрии. Ходатайство (от 8 января 1892 г.) о разрешении заграничной поездки по 1 ноября 1892 г. с местопребыванием в г. Грац было удовлетворено 18 января.

Любопытно, что жизненные обстоятельства Струве и стремление к материальной независимости вызвали к жизни некий документ, никогда прежде не упоминавшийся. В студенческом личном деле он сохранился, важен для восприятия русской общественности и заслуживает цитирования: «22 июня 1891 г., Ректору СПб Университета. Проживающий Литейной части, 2 участка, д. 60, кв. 5 по Литейному проспекту студент П.Б. Струве обратился с просьбой о выдаче ему «свидетельства о бедности» на предмет получения стипендии из СПб университета. Из собранных вследствие сего и представленных полицией сведений видно, что проситель 21 года от рождения, поведения хорошего, состояния бедного, имущества никакого не имеет, содержания от казны не получает. Имеет братьев Василия 37 лет, статского советника, служащего преподавателем Петровского училища, Федора 33 лет, отставного коллежского регистратора, находящегося при матери, живущей в Одессе, Николая, состоящего преподавателем в гимназии Гуревича, Александра, 25 лет, находящегося при Министерстве юстиции, и Михаила, студента СПб университета. Проситель занимается частными уроками, чем и существует. О вышеизложенном имею честь сообщить Вашему Превосходительству. За градоначальника, помощник его (подпись неразборчива)». В том же деле - просьба Струве об освобождении от платы за учебу в университете в 1891-1892 гг.

П.Б. Струве с родителями(?)

П.Б. Струве середина 1890-х годов (публ. впервые)

П.Б.Струве с НА.Герд и сыном Глебом, представлена НА. Струве, (публ. впервые)

В университете Граца Струве был «экстраординарным слушателем» (воль-нослушателем), посещал курс лекций по административному праву известного социал-дарвиниста Л. Гумпловича. Струве понял при первом же контакте, что лекции этого знаменитого человека не имели никакого отношения к тем общим социологическим и историческим вопросам, которые интересовали его и что ему учиться здесь нечему. Поэтому большую часть лета 1892 г. Струве использовал для самостоятельного изучения неокантианской философии, прочитал огромное количество немецкой литературы по экономике. «Его привлекли идеи немецкой социо-либеральной экономической школы (Л. Brentano, Г. Геркнер и Г. фон Шульце-Геверниц)». Струве стал близок сформулированный ими тезис: современный капитализм вынужден поощрять социальные реформы, так как для нормального функционирования ему необходим процветающий рабочий класс.

Вероятно, именно во время пребывания в Граце Струве решил стать профессиональным экономистом. К этому времени он был уже марксистом и социал-демократом, но не видел никакого противоречия в одновременной приверженности социалистической доктрине и академической науке, поскольку считал марксизм всего лишь научной теорией. Но чем больше он становился профессиональным научным исследователем, тем четче для него становилась «ненаучность нормативных элементов марксистской теории». Тогда и возникли сомнения, из которых позднее вырос его резкий разрыв с Марксом и то, что было названо ревизионизмом. В мае 1892 г. к нему в Грац приехала А.М. Калмыкова, они совершили поездку в Венецию. Вскоре после этого путешествия Струве выехал в Австрийскую Силезию, чтобы пройти дополнительный курс лечения. Осенью вернулся в Санкт-Петербург и, фактически забросив учебу в университете, начал работать библиотекарем в министерстве финансов. Эта работа позволяла ему предаться полностью новому увлечению - изучению теории и истории экономики.

11 сентября 1893 г. Струве подал ректору прошение «об увольнении из числа студентов СПб Университета», а 15 сентября ему выдано официальное свидетельство, что он «поступил в Императорский СПб Университет и слушал лекции» ... но «правами студента, окончившего полный курс,... воспользоваться не может». При этом засвидетельствован факт успешной сдачи им экзаменов по немецкому языку и богословию, что помогло ему позже при сдаче экзаменов экстерном. Итак, университетские годы Струве были годами напряженнейшей интеллектуальной жизни, оставившей самообытный и яркий след в истории русской общественной мысли.

Его раздумья по поводу роли российской социал-демократии в этот период еще не носили характера систематических идей. Но даже в этих раздумьях Струве пошел гораздо дальше всех русских радикалов, включая Плеханова и его соратников. Он был первым, кто стал смотреть на капитализм как на неперемненное условие прогрессивного развития страны.

Весной 1894 г. раскол в российском радикальном лагере стал явным. Суть разногласий заключалась в расхождении во взглядах на сложные проблемы, важные и в наше время. Спор шел не столько между враждующими друг с другом

«народниками» и «марксистами» (терминология сомнительная, на что обратил внимание еще А.Н. Потресов, но его мнение было проигнорировано), сколько между двумя группами марксистского толка, придерживавшимися разных концепций. Старшая, возглавляемая Воронцовым и Даниельсоном, в своих прогнозах опиралась на земские статистические данные и на особые высказывания Маркса по поводу России (при этом работы Маркса использовались только для подчеркивания негативных сторон капитализма). Более молодая группа, представленная Струве, основывалась на общей марксистской теории капиталистического развития, подкрепленной германским и американским экономическим опытом того времени.

Зимой 1893-1894 г. Струве написал серию статей с анализом экономических и исторических теорий, популярных у российских «левых». Безуспешная попытка публикации в российской периодике привела его к решению скомпоновать их в виде книги. Получение цензурного разрешения была вполне вероятным. Книгу, посвященную теоретическим вопросам, Струве предполагал дополнить еще одной - историей развития масштабного капиталистического производства в России. (Именно это попытался сделать позднее Ленин, написав «Развитие капитализма в России»). Писал Струве неравномерно, урывками. В работе над книгой были два перерыва: кратковременный арест по подозрению в принадлежности к революционной организации и первая попытка (1894 г.) сдать экстерном университетские экзамены, заброшенная после двух испытаний (а надо было выполнить 14, что он успешно и сделал в следующем 1895 г.).

В конце июня 1894 г. рукопись, известная ныне как «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», была готова. До передачи в печать, Струве прочел друзьям отдельные ее части, и совершенно истощенный, уехал на отдых в деревню.

Полного удовлетворения от своей работы он не испытывал. Из письма Потресову: «На сердце у меня кошки скребут, настолько велики формальные и всяческие недостатки книги. Теперь я вижу, что Вы были правы, когда советовали мне бросить экзамены и сосредоточиться на книжке. Я этого не сделал, и книга, помимо неизбежных недостатков, носит на себе ужасающие следы переутомления ... Этого нельзя теперь поправить, но с этим придется очень сильно и больно считаться... Иногда меня недовольство работой ужасно мучит, буквально до боли, до полного отчаяния ... Я теперь все более и более вижу, что книгу будут ругать, что называется, на все корки, и отчасти поделом. В ней много слабых сторон. Но если те, по адресу коих она написана, отнесутся к ней серьезно, то она сослужит свою службу, несмотря на недостатки. Сумма идей, в ней намеченных и даже находящихся лишь в потенциальном состоянии, велика, но, для того чтобы развить эту сумму идей в законченную философско-общественную систему, нужно много времени и работы не одного или двух людей, а такого числа, которое могло быть целым направлением».

«Критические заметки» были отданы в цензурный комитет в конце августа. Цензура не нашла поводов для запрета. В начале сентября 1894 г. книга поступила в продажу. В «Критических заметках» с большей, чем во всех прочих его рабо-

тах, отчетливостью выявились сильные и слабые стороны интеллекта Струве. Эрудиция его была невероятной. В процессе работы Струве «перелопатил» огромное количество экономической, статистической, социологической и философской литературы. Явные недостатки книги - непродуманность компоновки материала, отсутствие четкого плана изложения - рукопись была еще слишком «сырой», «получилась значительная, многообещающая, но собранная наспех книга, великолепная по содержанию и хаотическая по форме». Прежде всего, это трактат об исторической миссии капитализма и его роли в организации наиболее эффективного из всех известных способов производства. В этом смысле ей близка книга Ф. Листа «Национальная система политической экономии» (1841), которую изучали Д.И. Менделеев и С.Ю. Витте при формировании собственных взглядов на будущее экономики России. Струве также часто обращается к ней. Книга Струве оканчивается призывом: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму!». Книга строго научного содержания посвящена капитализму как исторической общественной формации, его созидательной роли и пронизана страстным желанием, чтобы Россия пережила все его последствия, подготовившись скорее к переходу на более высокий цивилизационный уровень развития.

Безусловно, Струве принадлежал к эволюционистскому, либеральному крылу социал-демократии, но утверждение о том, что его идеи создали целое движение, неверно: у него практически не было организованных последователей, хотя и были интеллектуальные, личные. Никогда не существовало ни движения, ни фракции «легальных марксистов», нет никаких следов их деятельности в документах. Хотя термин «струвизм» как течение мысли мелькал в переписке русских с-д. «Легальный марксизм» означал лишь легальный способ пропаганды. Термин «легальный марксизм» возник, как и термин «народничество», в ходе фракционной борьбы в рамках радикального движения - его придумал Ленин, ведя полемику против Струве уже в самом начале уже XX в. «И чем в большей степени Ленин был склонен рассматривать себя в качестве единственного настоящего революционера, тем более он был склонен пролонгировать начало конфликта между "истинными" и "ложными" революционерами далеко в прошлое и придавать придуманному им термину прямой идеологический и политический смысл». После 1917 г. подобная трактовка этого термина перешла из ленинских работ во все советские издания.

В третьей части книги Струве подчеркивает огромную культурную роль частной собственности, которую поощряет именно капитализм. Сегодня все это очевидно и не оспаривается научной мыслью, но тогда вызвало негодующую реакцию крайних радикалов. Заключение книги посвящено будущему российской экономики.

Радикалы не пренебрегли самыми вульгарными выпадами по поводу немецкого происхождения Струве («заезжий немец» и т.п.), Струве же не уставал повторять, что он высоко ценит марксизм как чисто научную теорию. Критика книги со стороны Ульянова гораздо позднее была политизирована и объявлена исходной точкой марксизма по-ленински. А тогда обсуждение велось в благожелатель-

ном, но этаким непреклонно-богословском тоне - « в таком тоне в христианстве принято предостерегать собратьев от впадения в ересь». Критика Ульянова была активна, педантична и умышленно банальна, наивысшей моральной ценностью им объявлялась «ортодоксия».

Как только «Критические заметки» вышли из печати, Потресов выехал в Швейцарию для ознакомления с ней Плеханова. Вернувшись в Санкт-Петербург, Потресов занялся изданием книги самого Плеханова. Она тоже прошла цензуру и вышла в декабре - «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Благодаря книге Плеханова произошла первая встреча Струве и Ульянова, положившая начало их взаимоотношениям, несомненно, значимым для них обоих. Она состоялась то ли в декабре 1894 г., то ли в январе 1895 г. во время встречи на квартире Классона, посвященной дискуссии о «Монистическом взгляде».

К моменту своей встречи оба считали себя убежденными «марксистами», и для обоих было несомненно, что Россия должна пройти и обязательно пройдет через стадию капитализма. Но «капитализм» для них означал совершенно разное. Струве понимал под «капитализмом» систему сложным образом взаимодействующих между собой общественных институтов и обычаев, многие из которых не имеют экономического характера, но способствуют экономическому развитию. В то время Ульянов уже находился во власти своих политических амбиций. Именно под его влиянием утвердилось убеждение, что имеет ценность не истинность и объективность идеи, а то, чьей выгоде она служит. Непосредственными следствиями такого взгляда позже в партийной среде стали готовность спорящих любые интеллектуальные разногласия персонифицировать. Капитализм по Струве - обязательное условие для организации социализма и цивилизованной жизни в России. При этом вся сумма человеческой культуры должна быть перенесена с одного исторического уровня развития общества на другой. Для Ульянова представление о капитализме возникло из радикальной литературы и с учетом бытового российского представления о его враждебности. Поэтому столкновение было неизбежным. Только гораздо позже, уже на собственном опыте управления, Ленин осознал всю сложность формирования условий даже для капиталистического развития страны, значение и роль культурных традиций. Как бы отзвуком далеких бесед и споров со Струве в университетские годы стало в октябре 1920 г. выступление Ленина перед новым молодым поколением со знаменитым в России призывом обогатить «свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Поездка за границу дала обоим разные впечатления и выводы. Ульянов не почувствовал органически (как Струве) всей сложной социальной и культурной среды, необходимой для длительного формирования зрелого индустриального общества, что пришло к нему позже. Струве не очень серьезно относился поначалу к взглядам Ульянова, полагая, что они претерпят изменения после знакомства с капитализмом Европы, основываясь на своих личных эмоциях и опыте своего образования! Их позднейшие политические разногласия были следствием не только рациональных теоретических установок, но и глубокого внутреннего несходства натуры и темпераментов! Ульянов был убежден, что он манипу-

лирует всем (и Струве в том числе), и «был буквально разъярен, обнаружив что сам есть объект манипулирования» мягкими средствами. Но и Струве контакты с Ульяновым не прерывал, «в надежде на их потенциальную политическую пользу, считал одновременно и морально оправданными для себя, и политически необходимыми для нашего дела». Для Ульянова суть марксизма была в раскрытии «классового содержания» любой идеи. Для Струве самое важное - объективность идеи. Личные беседы В. И. Ульянова и П.Б. Струве продолжались почти всю первую половину 1895 г., в котором для самого Струве произошли весьма важные события. В 1895 г., благодаря Потресову и другим, с-д коалиция медленно и с трудом сформировалась, Ульянов и Струве, несмотря на все различия и несходство, ясные обоим с самого начала («В сущности, в лице Ульянова-Ленина и моем столкнулись две непримиримые концепции - непримиримые как морально, так политически и социально. Каждый из нас понимал это и в то время, но смутно, лишь позже мы отчетливо осознали это»), стали политическими союзниками. Оба не желали признавать тогда такого характера отношений. Но все это будет уже в недалеком будущем. Сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», с трудом собранный, уже не прошел цензуру, но сыграл свою роль в возбуждении общественного сознания (опять вызвал дискуссию).

1895 год был для Струве триумфальным в некотором роде. Он был на вершине общественной известности, блестяще завершил экстерном университетское образование в первой половине года, выдержав очень серьезные испытания, большинство с высшей тогда возможной оценкой «В.У» (весьма удовлетворительно). Помимо четырех письменных испытаний, он сдал устные экзамены по римскому, гражданскому, уголовному, торговому праву (и соответствующему им судопроизводству), а также отдельно международное, церковное, финансовое и полицейское право. Благодаря дебатам в Вольном экономическом обществе (ВЭО), Струве стал столичной интеллектуальной звездой и отчасти легендарной личностью (чисто русская особенность!). Арсеньев назвал его «властителем дум» и сравнил с Писаревым. Его известность в интеллектуальных кругах стала еще больше в связи авторством открытого письма Николаю II. Но уже к революции 1905 г. это забылось, хотя, конечно, авторство для заинтересованной публики стало известно достаточно скоро после его опубликования. 1905 год подготовлен и идейным вкладом Струве. Но к 1905 г. он был уже вне с-д рядов, а достижения 1905 г. (Манифест 17 октября) считал вершиной, верхней ступенью русской революции, за которой процесс ударов по Российской государственности должен остановиться, поскольку созданы принципиальные условия для созидательной работы и обновления России. Но на этом его собственные «искания истины» не закончились. Тактически же он проиграл политику, утерял контроль и адекватность реакции на развитие событий, совершенно не отдавая себе отчета, что он в России, не в Европе. Любопытно, что официальная советская историография замалчивала факт авторства письма Николаю II, отбросив его как незначительный эпизод, впрочем, дав и самой революции 1905 г. низкую оценку (всего лишь пролог) в истории России.

Личные беседы между Струве и Ульяновым «в течение многих зимних часов 94-95 годов» на квартире А.М. Калмыковой, где жил Струве, продолжались до

первого отъезда Ленина за границу весной, 25 апреля 1895 г., и оказали сильное, хотя и кратковременное влияние на обоих. Объединяла их убежденность в исторической необходимости прохождения Россией стадии капитализма и борьба с противниками этого, необходимость политической свободы. Как известно, под нажимом Ленина Струве сдвинулся «влево» - от либерального социализма к более ортодоксальной ветви марксизма, а Ленин - «поправел». Но уже в 1900-1901 гг. Ленин перестал верить в теорию социал-демократической гегемонии.

Легкость прохождения через цензуру и успех книги Струве у публики побуждали Потресова попытаться реализовать более масштабные издательские программы. Интеллектуальное течение, возникшее вокруг литературно-издательского проекта, задуманного, организованного и финансируемого Потресовым, осуществляемого под интеллектуальным руководством Струве, и известно под названием «легалный марксизм».

Летом 1895 г. он прошел кумысное лечение под Самарой (при помощи А.М. Калмыковой). Осенью того же года Струве выехал за границу. Его отношения с Г.В. Плехановым не сложились с первой же встречи. Последний очень ревниво отнесся к известности в России молодого человека, ставшей выше его собственной. Зато окружение Плеханова, особенно В. Засулич, определенно проявили к нему явную симпатию, ставшую на долгие годы взаимной (в этой среде он даже получил ласковое прозвище «теленок»). В Берлине Струве в атмосфере внимания местных социал-демократов посвятил все свое время исследованию ранних этапов немецкого социализма. Ему довелось сделать серьезное и по современным меркам чисто научное открытие - он вышел на самые ранние следы «молодого Маркса», чем тогда никто не занимался, обнаружил высказанную им идею «отчуждения» и впервые ввел в научный оборот эти сведения. Он нашел самые ранние статьи Маркса, где и таились «корни научного социализма». Он сообщил о своем открытии Г.В. Плеханову. Найденные материалы были опубликованы на немецком языке в теоретическом органе германских с-д. Одна из найденных Струве статей Маркса оказалась частью большого труда, полный текст которого стал известен только в 1932 г. Именно Струве обнаружил издававшуюся Марксом Немецкую Брюссельскую Газету, которая была совершенно неизвестна исследователям. Струве принадлежит исследование интеллектуальной эволюции молодого Маркса. Такие глубины, такие тонкости совершенно были ненужными русским с-д. Обнародованные Струве факты не понравились и руководству немецких с-д. в лице Ф. Меринга. Но блестящие достижения человеческой мысли в глазах Струве имели гораздо больший авторитет, также как логика и эмпирические факты, чем чьи-либо теоретические доктрины.

Вызывающая интеллектуальность и бурный темперамент П.Б. Струве, самоутверждение за счет эксцентричности и эпатажи при уходе от решений, при колебаниях и нерешительности привели к запутанности отношений с А.М. Калмыковой. Эмоциональное состояние Струве в то время ясно из переписки: «Я колебался, так как много и сильно любил и много, бесконечно много страдал от чужого страдания, делая его своим и ставя себя, таким образом, в неразрешимые конфликты чувств и обязательств». Личный разрыв с ней произошел в 1897 г. и ознаменовался браком с Н. А. Герд в Вене в том же 1897г

Струве становится редактором журнала «Новое слово», прекращенного цензурой в декабре. Другое его издательское начинание - журнал «Начало», также менее года просуществовал в 1899 г. В процессе работы над этими марксистского толка изданиями им написан «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии» (1898). Оставаясь на позициях «легального марксизма», он ведет переговоры с Лениным и другими радикалами в Пскове (1900), в Берлине и Мюнхене, закончившиеся полным разрывом в 1901 г. После ареста за участие в демонстрации на Казанской площади 17 апреля и административной ссылки в Тверь, где он занимался подготовкой сборника статей «На разные темы», в декабре 1901 г. Струве эмигрирует в Швейцарию и позднее переезжает в Париж. Летом 1902 г. в Штуттгарте выходит первый номер журнала «Освобождение» - новое эмигрантское издательское начинание Струве. Это издание содействовало организационной консолидации широкого фронта противников монархии в форме «Союза освобождения», подготовившего общественное мнение к революции 1905 г. 19 октября 1905 г. Струве покидает Париж и отправляется в Россию, на пути получив официальное «прощение» Николая II, инициированное СЮ. Витте.

Сразу по прибытии в страну 25 октября 1905 г. Струве активно включается в события, принимает участие в съезде земских и городских деятелей в Москве и, конечно, издает новый журнал - «Полярная звезда» (декабрь 1905 г. - весна 1906 г.). Одновременно подписывает с И.Д. Сытиным контракт о редактировании ежедневной газеты «Дума» (просуществовала с 27 апреля по 13 июня 1906 г.). Участвует во II съезде конституционно-демократической партии, избирается членом ее Центрального комитета, на заседании ЦК делает доклад о перспективах взаимоотношений партии с ее думской фракцией. 21-25 апреля участвует в работе III съезда конституционно-демократической партии. 10 июля принимает участие в Выборгской встрече думских депутатов. 24-28 сентября участвует в IV съезде конституционно-демократической партии в Хельсинки.

С ноября 1906 г. приглашается преподавателем Санкт-Петербургского Политехнического института, созданного СЮ. Витте и являвшегося символом вхождения России в новый XX век. С января - соредактор известного в России ежемесячного журнала «Русская мысль». Избирается депутатом II Государственной Думы по кадетскому списку. Проводит несколько встреч со П.А. Столыпиным. Его «кадетский» период политической активности формально закончится выходом из партии в 1915 г.

Но уже сразу после роспуска II Государственной Думы отходит от активной политической деятельности и занимается осмыслением реального расклада сил в русском обществе. Итогом его размышлений становится статья в сборнике «Вехи», вызвавшая в среде радикальной интеллигенции негодование и возмущение. В том же году увлекается участием в заседаниях Религиозно-философского общества, посещает Толстого в Ясной Поляне. В августе 1910 г. становится единоличным редактором «Русской мысли», публикует сборник статей «Patriotica» (1910) - также итог интенсивных размышлений о судьбе русской государственности и русской национальной идеи. Много работает над книгой «Хозяйство и цена», которая становится основой его профессорско-академической карьеры.

Первый том «Хозяйства и цены» защищен (1913) как магистерская диссертация в Московском университете, второй - как докторская диссертация защищен в Киевском университете (1917). В 1916 г. его научные заслуги оценены в Кембриджском университете почетной степенью доктора права. 3 мая 1917 г. избран действительным членом Российской Академии наук и успел выступить с несколькими докладами до октябрьского переворота.

Предвидя наступающие события, Струве пытается организовать сплочение научной общественности России, публикует 27 апреля учредительный манифест Лиги русской культуры. Его поддерживают В.И. Вернадский, другие интеллектуалы и многие общественные деятели. В августе он политически активизируется, принимает участие в конференции «Организационной группы московских общественных деятелей», избирается членом ее бюро. В октябре выступает перед Временным Советом Российской Республики («предпарламентом») в Петрограде. В начале декабря уезжает в Москву, в середине отправляется из Москвы в Новочеркасск, где принимает участие во встрече с генералами, избирается членом Совета Добровольческой армии. После лихорадочных конспиративных передвижений по стране 9 декабря 1918 г. нелегально переходит финскую границу. Начинается период второй и окончательной эмиграции Струве из России.

В начале января 1919 г. в Хельсинки он становится советником генерала Юденича. Затем переезжает в Париж, откуда осенью направляется на юг России. В Ростове-на-Дону возглавляет редакцию газеты «Великая Россия», выступает с лекцией «Размышления о русской революции». В Севастополе он получает портфель министра иностранных дел в правительстве Врангеля. Несомненный успех Струве-дипломата - признание Францией правительства Врангеля де факто, что вскоре обеспечивает сравнительно упорядоченную эвакуацию врангелевских войск из Крыма и размещение их в Турции. В середине в Константинополе встречается с Врангелем, а 19 января 1921 г. выходит из состава правительства Врангеля и возвращается в Париж.

Начало эмиграции ознаменовалось для Струве участием в политических спорах, и конечно, во многих издательских проектах. Начиная со знаменитого цикла статей «Историко-политические заметки о современности» (в берлинской газете «Руль», весна-лето 1921 г.), Струве на протяжении нескольких лет отстаивал «непримиренчество» со всем, что происходило в России.

Естественно, предпринимались попытки организовать русскую эмиграцию как политическую силу. Первая попытка относится к 1919-1920 гг. Однако, в 1920-е годы создание объединенного фронта оказалось неизмеримо сложнее, нежели в начале века, во времена «Освобождения». Конечно, активнейшим участником этих попыток не мог не быть Струве. Первый общенациональный съезд русской эмиграции открылся в Париже 5 июня 1921 г. Практическим достижением этого съезда стало образование Национального комитета, который позже выполнял функции главного исполнительного органа несоциалистической и (немонархической) части эмиграции.

Издательская деятельность Струве в эмиграции была активной, но реализовалась с переменным успехом. В январе 1921 г. его главной заботой стала под го-

товка к изданию «Русской мысли», возрождение которой было оговорено на январской встрече с Врангелем в Константинополе. «Русская мысль» выходила в свет с разными перерывами до зимы 1923-1924 гг., когда издание было прекращено из-за недостатка средств. Отдельный и последний номер вышел в Париже в 1927 г. С января 1921 по май 1922 гг. Струве проживал с семьей во Франции.

Но конечный политический неуспех всего эмигрантского движения стал и последним этапом политической карьеры Струве. Продолжая еще издательскую деятельность, он стал все более сосредоточиваться на привычной научной работе. Открытие юридического факультета в Праге было запланировано на середину мая, и в конце апреля 1922 г. Струве перебрался в Прагу. Здесь он с семьей прожил до середины 1925 г. Этот пражский период напоминал ту жизнь, которую он вел в довоенном Петербурге, читая русским студентам лекции на русском языке, очень похожие на ранее читанные в Санкт-Петербургском политехническом институте по политической экономии и экономической истории.

К первой серьезной примиренческой инициативе, зародившейся в эмиграции («сменовеховству»), он отнесся резко отрицательно, незамедлительно развернув на нее атаку. В его глазах сборник «Смена вех», с явными претензиями на сопоставление с «Вехами», был оскорбителен для последних. («Смена вех» представляет собой «самое чудовищное явление в истории духовного развития России»). Но все-таки, как оказалось впоследствии, он решительно недооценивал важнейший факт, подмеченный сменовеховцами. «Речь идет о том, что со временем советский режим действительно преуспел в сокрытии своей "интернационалистской" сущности, трансформировавшись в силу, готовую действовать в национальных интересах России и эксплуатировать русский патриотизм в собственных целях». В своем собственном отношении к советскому режиму Струве оставался верным позиции Герцена в оценке роли эмиграции.

Последний номер «Возрождения», подписанный Струве, вышел 17 августа 1927 г. Сам Струве наотрез отказался признавать свое поражение и даже собрал деньги для учреждения новой газеты - еженедельника «Россия».

В марте 1928 г. Струве вернулся в Прагу. После метаний между Прагой, Софией и Белградом он поселился в Белграде. Остался в Югославии, русская колония которой состояла по большей части из бывших военных и чиновников, при явной нехватке интеллектуалов-гуманитариев. К его несчастью, вскоре выяснилось, что монархическое сообщество в Белграде вообще не воспринимало нюансов его политической философии с ее парадоксами. Опубликованный здесь в 1936 г. анонимный памфлет называет Струве «старым масоном», «отцом русского большевизма» и т.п.

Для столь политически страстного человека, Струве сравнительно мало интересовался политическими переменами в России после смерти Ленина. Он уже давно осознал, что режим скован неразрешимыми противоречиями и неспособен к глубокой внутренней эволюции. Струве с растущей озабоченностью следил за шагами Сталина, направленными на концентрацию в одних руках человеческих и материальных ресурсов страны. Первые оценки сталинской экономической политики Струве «озвучил» в публичной лекции (Париж, апрель 1930 г.). «Преобразования в СССР он назвал "великой экономической реакцией", имея в

виду то, что их совокупный эффект заключался в упразднении двух веков экономического развития России». К 1931 г. Струве вообще потерял интерес к происходящему в Советском Союзе.

В Югославии жизнь Струве вращалась вокруг профессорской кафедры в филиале столичного университета в Субботице, провинциальном городке, неподалеку от венгерской границы. С 1934 г. и до самой оккупации Югославии немцами в 1941 г. Струве раз в месяц ездил на поезде в Субботицу, где в течение трех дней читал лекции по социологии и политэкономии (на сербском языке!). Струве привык уходить в науку всякий раз, когда разочаровывался или не мог участвовать в политике: именно так он поступал в 1898, 1907, 1921 гг., и в 1927, расставшись с «Возрождением». Период с 1927 г. до самой его смерти в 1944 г. был насыщен научными исследованиями и публикациями. Его интеллектуальные интересы к тому времени несколько изменились: на смену масштабным экономическим изысканиям пришли исследования в области русской истории.

В югославский период его жизни произошел эпизод, вновь связанный с его «злым роком» - Лениным. В мае 1941 г. он был арестован по доносу в гестапо «за дружбу с Лениным». Для семидесятилетнего человека с хроническими болезнями это было тяжело. Но еще тяжелее был для него отрыв от привычной работы и невозможность чтения книг. Доказательство его невиновности нашлось там же, в тюрьме - история Коммунистической партии Советского Союза на немецком языке, где каждое упоминание его имени в комментарии сопровождалось словами «враг народа» и «предатель рабочего класса». Здесь также говорилось, что советский суд заочно приговорил его к смертной казни. Этого оказалось достаточно для освобождения, Струве был выпущен и отправлен в Белград. Борьба за разрешение на переезд к детям во Францию завершилась лишь в 1942 г. Он оставил всю переписку и архив на попечение югославского коллеги. Большое собрание книг (как и везде, где бы он ни жил, сопутствовавшее Струве) по социализму, политической экономии и немецкой литературе осталось в Белграде и после войны поступило в библиотеку Белградского университета. Архив же Струве исчез.

Струве умер 26 февраля 1944 г. в Париже и похоронен рядом с женой на известном в России кладбище Сент-Женевьев-де-Буа - «этом идиллическом кусочке России в самом сердце Франции».

Отдельные фрагменты воссоздающейся будущей России впитывают в себя идеи Струве, наследие его еще ждет разработка и практическое воплощение. Невяное их использование уже идет, важно, чтобы оно стало осознанным, а сам Струве полностью «вышел из небытия». Для этого надо объективно вписать его в историю русской интеллектуальной жизни, популяризовать на разных уровнях. «Оценят его по заслугам - писал С.Л. Франк, - будущие поколения как мыслителя и деятеля, но личность его - это дивное сочетание юношеской чистоты, юношеского горения сердца с великой мудростью - эту личность могут оценить только те, кто имел счастье быть его другом». Стоит добавить - и те, кто внимательно вчитается в написанные им самим строки (в отдельных пере-

изданиях 1990-х годов), ставшие доступными в нашей стране в наше время, особенно актуальные для России в начале третьего тысячелетия.

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27198; *Струве П.Б.* На разные темы. Сб. статей. 1902; *Струве П.Б.* Мои встречи и столкновения с Лениным / Предисловие Н.А. Струве // Новый мир. 1991. № 4. С. 215-221; *Калмыкова А.М.* Обрывки воспоминаний // Былое. 1926. № 1. С. 60-84; *Франк С.Л.* Биография Струве. Нью-Йорк, 1956; *Пайнс Р.* Биография Струве / Перевод с английского А. Цуканова. В 2-х т. М, 2001; *Чепарухин В.В.* Искатель истины и его собрание (судьба книжного собрания П.Б. Струве) // Библиотека. 1995. № 7. С. 63-67; *Чепарухин В.В.* П.Б. Струве и СПб Политехнический институт // Немцы и развитие образования в России. СПб, 1998. С. 111-120.